
РЕЦЕНЗИИ. ДИСКУССИИ. МНЕНИЯ

Разговор о варваре с римским другом, читая книгу:
Kaldellis A. Ethnography after Antiquity.
Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature. Philadelphia:
University of Pennsylvania Press, 2013. 277 p.

*...Подходите к современному автору, как
если бы он был древним, а к древнему — как
если бы он был современным...*

Умберто Эко

Главная удача монографии американского историка Энтони Кэлделлиса — ее тема, постановка исследовательской задачи. Автор ставит перед собой и читателем вопрос — насколько, в какой степени были *этнографами* позднеримские и византийские писатели, историки и другие интеллектуалы. Попутно Э. Кэлделлис выясняет, насколько удачно (точно и объективно) им удавалось описать другие народы, какие были разработаны парадигмы таких описаний, насколько эффективно эти парадигмы способствовали познанию истории и культуры других народов. Такой подход, конечно же, совершенно не нов в историографии. Для примера можно бросить самый беглый взгляд на русскую научную традицию исторической этнографии, вспомнив работы В. Г. Богораза¹, С. В. Бахрушина² и М. О. Косвена. Статьи последнего особенно близко перекликаются с рецензируемой монографией: они посвящены этнографическим сюжетам древнерусских книжников³. Эта проблематика непосредственно затрагивалась в разных разделах этнографического сборника «Первобытная периферия классовых обществ» 1978 г.⁴

Можно назвать еще много самых разных примеров анализа степени «этнографичности» (аутентичности) той или иной информации, зафиксированной в описаниях разных народов из древних и средневековых текстов. Недавно А. И. Иванчик убедительно показал, что скифские сюжеты Геродота отражают культурно-историческую (предметную и идеологическую) реальность скифского мира, а не являются виртуальным конструктом образа «другого», созданным в назидательных и художественных целях, таким образом, в очередной раз поддержав историко-археологическое направление интерпретации текста «отца истории». Есть очень близкая по стилю книге Э. Кэлделлиса, но более продуманная и аргументированная, монография об этнографии варваров

¹ *Богораз В. Г.* Христианство в свете этнографии. М., 2014. Первое издание опубликовано в 1928 г.

² *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935.

³ *Косвен О. М.* Из истории ранней русской этнографии (XII–XVI вв.) // СЭ. 1952. № 4. С. 128–141; *Его же.* Материалы к истории русской этнографии XVII в. // СЭ. 1955. № 1. С. 126–150.

⁴ Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблема исторических контактов). М., 1978. Ср. тематический сборник 2012 г. с уклоном в анализ геокультурных представлений: *Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies.* Malden (Mass.), 2010.

в Римской империи¹. Специально рассматривалась тема «кельтской этнографии» в античных источниках². Этот список можно продолжать и продолжать. Но применительно к византийской интеллектуальной традиции книга Э. Кэлделлиса кажется одной из первых специальных и комплексных попыток такого рода работы.

Исследования в русле «исторической этнографии» направлены не только на познание представлений древних и средневековых авторов о «чужих» и «других»³, не столько на рассмотрение парадигмальных и классификационных принципов исторической эпистемологии интеллектуалов прошлого⁴, а сосредоточены в большей мере на идентификации информации, которая отражает конкретную этнографическую реальность того или иного народа, попавшего в поле зрения грека, римлянина, византийца, араба или китайца, т. е. носителя «высокой» развитой письменной культуры. Конечно, все эти задачи тесно взаимосвязаны, но зачастую реконструкция «образа чужого», познавательных возможностей и ограничений древних авторов остаются своего рода культурологической самоцелью.

В монографии Э. Кэлделлиса изучение «этнографии» как «литературной практики» и «субжанра литературы» (р. VII) явно довлеет. В результате первая глава, посвященная авторам поздней античности, оказалась, на мой взгляд, крайне неудачной. «Последние римляне» — Аммиан Марцеллин, Приск Панийский и Прокопий Кесарийский — в интерпретации Э. Кэлделлиса превращаются в запрограммированных своими стереотипами авторов своеобразного позднеантичного фэнтези, точнее, стереотипами, которые Э. Кэлделлис, как правило, им априорно навязывает.

Высокообразованный дипломат, разведчик и писатель, начинавший как преподаватель ораторского искусства и сделавший блестящую карьеру по дипломатической линии, Приск (ок. 410 — ок. 475) под пером Э. Кэлделлиса изобретает себе «выдуманного друга», грека, которого он якобы, вопреки тексту, и не встречал при дворе Атиллы и подробно не расспрашивал его, а просто выдумал, чтобы лишний раз от его имени изложить свои политические взгляды на римские порядки (р. 10, 25). Вместо нашедшего информатора-разведчика перед нами — писатель-фантазер. Точно так же по Э. Кэлделлису поступает военный советник высокого ранга Прокопий Кесарийский (490/507 — после 542/562?), описывая гуннов-эфталитов и вандалов. Прокопий в рецензируемой монографии-интерпретации не передает свои впечатления и знания, а конструирует «зеркало» для обличения пороков Рима и Константинополя (р. 10–25). Особенно примечателен аргумент, что поведение вандалов в Северной Африке совпадает с поведением придворных императора Юстиниана, поэтому при описании вандальских пиров, бань, разврата, танцев и др. Прокопий якобы скрыто критикует императора, а не делает этнографическую зарисовку (р. 19). Может быть, такой намек на сходство нравов придворных в Константинополе и варваров действительно присутствует в тексте Прокопия, но только остается вопрос, нет ли здесь банального совпадения развлечений дорвавшихся до власти и развлекающихся от души высокопоставленных мужчин и женщин? Прокопий описывает гуннов-эфталитов и констатирует, что у них есть некая своя по-

¹ Woolf G. *Tales of the Barbarians: Ethnography and Empire in the Roman West*. Oxford, 2011.

² Широкова Н. С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989.

³ Ср.: Одиссей. Образ «другого» в культуре. 1993. М., 1994; Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999.

⁴ См., напр.: Шукуров Р. М. Земли и племена: византийская классификация тюрок // Византийский временник. 2010. Т. 69. С. 132–163.

литическая система — *politeia*: они «ничуть не хуже римлян и персов». А остальные гунны живут «скотским образом», как звери. Э. Кэлделлис уверен, что «без сомнения» многие читатели Прокопия очень удивились, что у гуннов может быть *politeia*. Далее начинаются пространные рассуждения, что же заставило Прокопия позитивно описать эфталитов. Э. Кэлделлиса не устраивает простой ответ, что Прокопий ясно знал, что большая часть гуннов — дикари, а у эфталитов есть определенные начатки цивилизованного образа жизни. И не ясно, почему все-таки Э. Кэлделлис решил, что читатели Прокопия не допускали мысли о существовании своих политических систем у варваров? Откуда он почерпнул это знание об аудитории Прокопия? Или он просто навязал им стереотипное мышление, которое он от них ждал, т. е. спроецировал свои представления, как они должны были бы думать, и сделал эти свои представления поводом для пространного наукообразного рассуждения?

Э. Кэлделлис принципиально игнорирует простой факт специфики профессии Приска и Прокопия — оба разведчики, военные советники и дипломаты высокого ранга. Им по роду их службы положено иметь дело с реальной качественной информацией, собирать ее и хранить. Может быть, в каких-то случаях они действительно оказываются под влиянием классических риторических образцов, а также с помощью этнографических отступлений пародируют или публицистически порицают современные им римские нравы. Это действительно не исключено. Но это необходимо доказывать, причем доказывать каждый раз на конкретных примерах, по итогам перекрестного сравнения разных текстов, проверки подлинности тех частей текста, которые поддаются верификации, а не констатировать это уверенно и бездоказательно. Какие-либо конкретные доказательства у Э. Кэлделлиса в большинстве случаев отсутствуют.

Римского офицера Аммиана Марцеллина (ок. 333 — нач. V в.) Э. Кэлделлис обвиняет в том, что он «дегуманизирует» гуннов, считает их «зверьями», а не людьми (р. 16, 100). Современный историк опять навязывает «бывшему солдату и греку» свое политически корректное видение мира. Солдат, прошедший полжизни защищая римский миропорядок, прошедший труднейший боевой путь, видевший кости римских солдат на поле битвы при Адрианополе, где пал император Валент и символически начались «средние века»¹, должен был, видимо, проникнуться спецификой яркой гуннской кочевой культуры. Аммиан же вместо этого по-своему здраво оценивает только что вышедших из степи гуннов как «дикарей», коими они, собственно, и были с любой, даже самой гуманной, точки зрения (что, конечно же, не делает их менее интересным объектом изучения для современных историков). При этом Э. Кэлделлис хвалит Приска, который, в отличие от Аммиана, видит в гуннах вполне себе «людских особей», считая это мировоззренческим прогрессом в позднеримском обществе (р. 16–17). Между тем, что гораздо вероятнее, объяснение может лежать в разнице специализаций двух авторов: Приск — дипломат и шпион, задача которого понимать противника, наблюдать и знать самые разные стороны его жизни; Аммиан же — боевой офицер, его задача убивать врагов, стереоскопическое знание об их специфике ему не очень нужно. Кстати, другой офицер разведки — Прокопий Кесарийский — отличался некоторым агностицизмом и определенной терпимостью даже к язычникам, еретикам и гомосексуалистам². Еще более вероятно, что дело здесь в эволюции самих гуннов: в IV в., когда их увидел Ам-

¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 26–37.

² Treadgold W. The Early Byzantine Historians. New York, 2010. P. 177.

миан, они только что появились из степей; тогда как в V в., на глазах Приска, они уже приобщились к римской цивилизации, сформировав по римским образцам свое «имитационное политическое устройство»¹. Иными словами, в обоих случаях описание вполне объективно, а различия обусловлены хорошо документированной исторической эволюцией гуннских племен или разницей подготовки двух авторов. Все эти возможности, включая вариант Э. Кэлделлиса, как минимум, равным образом вероятны, но их надо последовательно перебирать, обдумывать, однако в рассматриваемой монографии этого не происходит.

Точно такой упрек в «бестиализации» на этот раз куманов-половцев позже получает от Э. Кэлделлиса Никита Хониат за упоминание зоофилии «скифов», совокупляющихся с кобылицами. Э. Кэлделлис видит здесь скрытую цитату из живописавшего пороки гуннов Аммиана Марцеллина. Э. Кэлделлис упустил сходное описание зоофилии у германцев-герулов, вступавших в половые сношения «с мужчинами и ослами»². Может быть стоило задуматься, что дело не в «имперской риторике», маркирующей новые народы в ойкумене как «зверей», а в достоверных наблюдениях византийцев?

Таким же образом ставятся под сомнение человеческие жертвоприношения, совершаемые росами Святослава из текста Льва Диакона, известия о которых были якобы отзвуком текстов Геродота о скифах и Прокопия о франках, топивших пленных готских женщин и детей (р. 103–104). Мне осталось решительно непонятным, почему описание внешности князя Святослава Игоревича у Льва Диакона было сконструировано как «суррогатный» литературный образ побежденного правителя, которого ведут во время триумфа римского императора, при том, что сам Э. Кэлделлис тут же оговаривается, что Святослав не был пленен и выставлен на триумфальное шествие. Аргументов нет, есть только «подозрение» автора (р. 105).

Аммиан, Приск и Прокопий были, несомненно, патриотами Римской империи³, а значит, в терминологии Э. Кэлделлиса, «шовинистами» (р. 10, 25, 42, 59). Они ясно осознавали преимущества римской культуры над варварскими обычаями, за что толерантный Э. Кэлделлис их неоднократно порицает. Гораздо более сбалансировано и исторично мировоззрение ставших историками римских офицеров высшего звена, представлено в реферативной, но все еще не устаревшей монографии З. В. Удальцовой, параллельное чтение которой с первой главой Кэлделлиса будет крайне поучительно⁴.

¹ Шувалов П. В. У истоков Средневековья: двор Аттилы // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3 / ред. Г. Е. Лебедева. СПб., 2001. С. 130–145; Бойцов М. А. В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти: сб. в честь Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 46–87.

² Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996. С. 158.

³ О корпоративном менталитете и системе ценностей римских солдат и офицеров см.: Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. Мировоззрение римских историков через века переключается с размышлениями выпускника Оксфорда полковника Томаса Эдварда Лоуренса (*Лоуренс Т. Э. Семь столпов мудрости*. М., 2001). Ср. вступление монографии Грега Вулфа, которое начинается с цитаты из повести «Сердце тьмы» Джозефа Конрада (*Woolf G. Tales of the Barbarians: Ethnography and Empire in the Roman West*. Oxford, 2011. P. 1–7).

⁴ Удальцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VI вв.). М., 1974. Кстати, прекрасная книга о ранних византийских историках Уоррена Тредголда (*Treadgold W. The Early Byzantine Historians*. New York, 2010), известная Э. Кэлделлису

Тема этнографического шовинизма византийцев и проповедь равенства культур перед историей не оставляет Э. Кэлделлиса на всем протяжении книги (особенно см. его рассуждения о христианском шовинизме: р. 56–60). Он забывает, что его толерантное знание о варварах возможно только благодаря защищавшим цивилизацию римлянам-шовинистам, написавшим тексты, которые Э. Кэлделлис упрекает в тенденциозности. Об этом говорил социолог Р. Кайуа в споре с этнологом К. Леви-Строссом: «этнолог... должен отдавать преимущество той культуре, которая позволяет ему быть этнологом»¹. Это хорошо видно на примере работ Э. В. Саида, который, изобличая и деконструируя европейские ориентальные науки как запрограммированные колониальной идеологией², пользуется интеллектуальным инструментарием, приобретенным в Принстоне и Гарварде, а не у исламских богословов. Точно так же, несмотря на попытки примитивного философствования, чеченский криминальный авторитет может быть только лишь информантом (типичным этнофором, т. е. объектом изучения, а не субъектом, продуцирующим знание) для получившего европейское образование журналиста, который выступает де-факто как этнолог³.

Вторая, третья и четвертая главы монографии гораздо содержательнее. Здесь можно найти хотя и не полную, но представительную подборку и анализ свидетельств о византийских шпионах, переводчиках⁴, дипломатах. Поставлен вопрос об «удельном весе» этнографической информации у разных авторов, в разножанровых текстах в разные века византийской истории. Подчас текст становится несколько тривиальным, когда речь заходит о старых темах «византийского содружества», «ромейского расизма», собирательных категориях описания народов — классических античных и новых, актуальных. Но в целом этот раздел небезынтересен и может служить своего рода первым подходом к теме «византийцы как этнографы».

Мотив разоблачения «ромейского шовинизма» не оставляет автора и далее (р. 42, 58–60, 65, 68, 70). Снова повторяется идея, что этнографические экскурсы были для византийских писателей способом «непрямого социального высказывания» (р. 53, 63). Э. Кэлделлис старается доказать, что византийские интеллектуалы не смогли ответить на вызов ислама и появления Арабского халифата «даже риторически» (р. 73–75), зачастую даже боясь упоминать его и тем более не стараясь понять его историю. Тексты, которые не укладываются в его теорию «молчания об исламе», а именно «Хронику» Феофана Исповедника и трактат «Об управлении империей», он сразу же отменяет как «не оригинальные» и «искусственные» (р. 76–77). Он даже не упоминает в этом контексте хронику Продолжателя Феофана. Оставлен без внимания и трактат «О церемониях». При этом он отбрасывает как несущественные программные для византийцев с точки зрения взаимоотношений с мусульманами житийные и исторические тексты о 42 аморийских мучениках и другую житийную литературу. Автор забывает, что именно Византия выиграла миссионерскую борьбу за Русь, последствия принятия ислама ко-

и дающая гораздо более аргументированные и правдоподобные очерки мировоззрения ранних византийских историков, не стала даже предметом полемики с его стороны.

¹ Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб., 2013. С. 173.

² Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

³ Хлебников П. Разговор с варваром. Беседы с чеченским полевым командиром Хож-Ахмедом Нухаевым о бандитизме и исламе. М., 2003.

⁴ Заметим, что автор не знает классическую работу о византийских переводчиках Р. Гийана: *Guilland R. Titres et fonctions de l'Empire byzantine*. London, 1976. P. 17–26.

торой были бы сокрушительны для всей христианской цивилизации¹. В чем Э. Кэлделлис прав, так это в том, что Халифат VII–XIII вв. с геополитической, экономической и культурной точек зрения зачастую смотрится мощней и динамичней, чем синхронная Византия. Но при этом византийцы все же так или иначе справлялись с угрозами и даже периодически переходили в контрнаступление.

Патриарх Фотий критикуется автором за то, что он описывает набег руси 860 г. на Константинополь «как часть римской истории», а не как часть «истории самой Руси». Для сравнения Э. Кэлделлис пишет, что также война во Вьетнаме в США неправомерно является частью американской, а не вьетнамской истории (р. 78). Фотий подвергается привычному обвинению в том, что русь у него приравнена к «диким зверям». На этом примере хорошо видно, что Фотий гораздо лучший стихийный историк, чем его современный критик. Во-первых, набег 860 г. происходит на территории Византии, а значит, является действительно частью ее истории. История Руси еще собственно не началась, во всяком случае, ни Фотий, ни современные исследователи практически не обладают какой-либо значимой информацией, помимо фактов набегов. Пример с вьетнамской войной только оттеняет правоту Фотия. История Вьетнама до и после вторжения США мало кому известна, кроме узких специалистов. Вьетнам попал на арену мировой истории только тогда, когда на его территории сошлись в малой войне две глобальные мировые системы, когда он стал точкой приложения военных усилий мировых держав. И Русь середины IX в., и Вьетнам XX в. — малоизвестная периферия мировой истории. Этот набег 860 г. еще будет осмыслен на Руси как событие своей истории только два столетия спустя, когда на Руси будет конструироваться собственная летописная историческая традиция, непосредственно выросшая из византийской и использующая в данном случае опять же греческие хронографы. Византия, конечно, не «изобретала» славян и русь, но именно она дала им инструменты исторического самоописания.

Фактически на всем протяжении текста Э. Кэлделлис судит византийцев с точки зрения современного дискурса равноправия культур и толерантности. На этом фоне неубедительны обвинения автора в адрес сэра Д. Оболенского, который, по мнению Э. Кэлделлиса, навязывал историческому материалу современные категории и идеи (р. 137–138), подменяя средневековые ментальные установки своими собственными концептами. Без сомнения, элемент модернизации есть и у Д. Оболенского, но у Э. Кэлделлиса он превалирует в еще большей мере. Сравнивая книги Д. Оболенского² и Э. Кэлделлиса, трудно удержаться от мысли, что представитель древнего княжеского рода Оболенских лучше понимает византийцев и их взгляд на мир, чем политически корректный американец. Разумеется, личный опыт по-разному может сказываться на работе ученого, в том числе и резко отрицательно, но его полное отсутствие не менее пагубно для многих форматов исторических исследований.

Пятая глава и послесловие лежат вне сферы моих интересов и должны быть отдельно оценены специалистами по периоду истории династии Палеологов. Но и здесь рассмотренные априорные установки автора в полной мере присутствуют.

Вывод, который напрашивается по итогам прочтения книги Э. Кэлделлиса, сформулирован П. Венем в цитируемой выше книге о методологии М. Фуко: исто-

¹ Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2007. С. 46.

² Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

рик должен быть «стихийным номиналистом», своего рода неопозитивистом, оценивающим прагматику эволюционирующих форм культуры, а не ее соответствие параметрам аксиологии и идеологии сегодняшнего дня. Одновременно, помня об историко-культурных барьерах между нами и авторами прошлого, эти барьеры не стоит абсолютизировать и демонизировать. Архаика, как и романтика, воспетая в известном стихотворении Р. Киплинга, гораздо ближе к нам, чем это порой, как кажется, мы можем себе представить или как мы хотим думать¹. Кроме того, привыкнув, что отражение достоверной информации в тексте требует доказательств, историки и филологи как-то подзабыли, что противоположное утверждение о том, что некий текст является чисто литературным конструктом без опоры на эмпирические факты, нуждается в точно таких же весомых доказательных процедурах. Априорный скептицизм и бездоказательный эпистемологический оптимизм равным образом мешают историческому исследованию.

*Алексей Сергеевич Щавелёв,
к. и. н., старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
E-mail: alexissorel@gmail.com*

¹ *Клейн Л. С.* Мы — кроманьонцы: дезадаптация человека к современной культуре // Смыслы культуры: международная научная конференция, 11–13 июня 1996 г. СПб., 1996. С. 205–209.